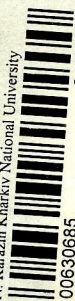

932436

V.N. Karazin Kharkiv National University

00630685

0

82

14585

Л. Б. Хавкина.

ПРОРОЧЕСТВО

84

КНИГА И БИБЛИОТЕКА.

Силу книгу, великую и мощную,
мы еще не умеем как следует пу-
скать в ход.

Н. А. Рубакинъ.

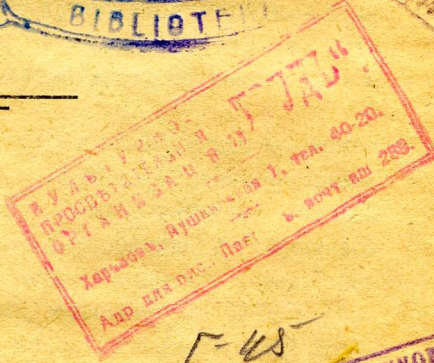
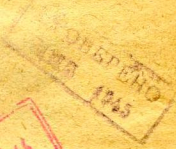
Библиотеки — это сокровищницы
всего богатства человеческого духа.

Лейбницъ.

БИБЛИОТЕКА

Українського Інституту
МАРКСИЗМУ-ЛЕНІНИЗМУ

№ 4585

МОСКВА.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „НАУКА“.
1918.

64

58

6228

221476

41288

МОСКВА.
Типографія О. Л. Сомовой, Б. Никитская, д. 60.
1918.

Культура, какъ фундаментъ современной жизни.

При каждомъ потрясеніи, которое приходится переживать нашей многострадальной родинѣ, съ новой очевидностью обнаруживается вѣковой недочетъ, составляющій ея великое горе,—отсталость въ культурѣ, массовая темнота и невѣжество.

Въ наши дни на многочисленныхъ примѣрахъ подтверждается давно извѣстная истина, что силу и богатство народа составляетъ сумма знаній, которыми онъ располагаетъ. Вся жизнь современныхъ государствъ строится на фундаментѣ культуры. Тамъ, гдѣ знаній мало, гдѣ культура слаба, земля приноситъ меньшій урожай, медленнѣе вертятся колеса машинъ, не такъ развита промышленность и торговля, не такъ тверда защита родины, не такъ подчинена человѣку природа и опустошительнѣе дѣйствуютъ ея грозныя силы, не такъ успѣшна борьба съ эпидеміями и смертностью, велика преступность и народная бѣдность, менѣе совершенны законы и весь строй... Но гдѣ же путь къ культурѣ, къ той культурѣ, которая даетъ народамъ силу и богатство?

Послѣ франко-прусской войны весь міръ облетѣло крылатое слово: „школьный учитель побѣдилъ“. Побѣды маленькой Японіи надъ огромнымъ Китаемъ и затѣмъ надъ огромной Россіей также ставились въ зависимость отъ распространенія народнаго образованія, которое началось въ эпоху японскихъ великихъ реформъ. Знаменитый указъ микадо, изданный въ 1872 г., выдвинулъ задачу: „чтобы въ странѣ не осталось ни одной невѣжественной семьи и ни въ одной семьѣ не осталось невѣжественнаго члена“. Благодаря энергичному насажденію школъ, Японія уже черезъ 30—40 лѣтъ достигла почти поголовной грамотности.

Слѣдуетъ ли, однако, понимать буквально, что все дѣло заключается лишь въ школѣ? И если несомнѣнно, что въ основѣ военной и экономической мощи народовъ лежитъ „сумма знаній“, то значить ли, что они получаютъ исключительно черезъ школу? Жизнь даетъ на это отрицательный отвѣтъ. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ въ области просвѣщенія все вниманіе сосредоточивалось только на школѣ, рано или поздно приходили къ выводу, что сама по себѣ школа еще не можетъ дать достаточныхъ результатовъ. И причины вездѣ отмѣчаются однѣ и тѣ же.

Яркое изложеніе этихъ доводовъ въ примѣненіи къ одной изъ отсталыхъ по культурѣ странъ,—Италіи, мы находимъ въ рѣчи извѣстнаго итальянскаго соціалиста Ф. Турати:

„Мы всѣ сходимся во мнѣніи, что въ нашей странѣ начальная школа не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ. Чѣмъ это объяснить? Плохо ли преподаваніе, плохи ли ученики, плохи ли учителя? Ни то, ни другое, ни третье. Просто на дѣлѣ пришлось убѣдиться, что школа даетъ недостаточно и не можетъ больше давать при ея оторванности отъ другихъ проявленій умственной жизни и при отсутствіи надлежащей среды.

Мы боремся съ неграмотностью путемъ школы... Но что такое неграмотность? Всѣ ли мы вкладываемъ въ это понятіе одинаковое содержаніе? Остановимся на немъ, такъ какъ оно будетъ проходить красной нитью черезъ всѣ послѣдующія разсужденія.

Грамотностью, обычно, называютъ умѣнье читать и писать. Съ официальной и бюрократической точки зрѣнія грамотность— даже и того меньше: чтобы считаться грамотнымъ, достаточно имѣть свидѣтельство о прохожденіи трехъ классовъ начальной школы, хотя бы человекъ все позабылъ, что тамъ проходило. Получается юридическая фикція: начертательныхъ знаній не слѣдуетъ отождествлять съ развитіемъ умственнымъ и нравственнымъ. Между тѣмъ на этой фикціи мы строимъ рядъ учреждений, даже основываемъ на ней право политическаго голосованія, которое является фундаментомъ всей національной политической жизни.

Если быть грамотнымъ—значить умѣть кое-какъ подписать свою фамилію, а на выборахъ вписать фамилію кандидата, предложеннаго префектомъ; если быть грамотнымъ—значить имѣть

въ карманѣ бумажку о прохожденіи чего-то давно уже улетучившагося изъ головы, въ такомъ случаѣ неграмотность—величина ниже нуля.

Если бъ всѣ 34 милліона итальянцевъ обладали такой начертательной грамотностью и такимъ свидѣтельствомъ, то отъ этого, понятно, уровень умственного и нравственного развитія въ нашей странѣ не повысился бы ни на іоту. Мы только понапрасну держали бы дѣтей въ стѣнахъ школы вмѣсто того, чтобы дать имъ рѣзвиться на свѣжемъ воздухѣ, и даромъ тратили бы деньги.

Но если быть грамотнымъ—значитъ пользоваться грамотностью, какъ средствомъ контакта и познанія соціального міра; если правда, что скряга, не пользующійся своими сокровищами, бѣднѣе послѣдняго нищаго, то нужно сказать, что число неграмотныхъ въ Италіи вовсе не ограничивается 60 или 50 процентами. И тогда окажется, что статистическія изслѣдованія нашихъ соціологовъ и всѣ ихъ сопоставленія между неграмотностью, съ одной стороны, и политической экономіей, финансами и преступностью—съ другой, только вводятъ въ заблужденіе, такъ какъ не можетъ быть никакой связи между этими фиктивными данными и подлинной умственной и нравственной жизнью страны.

У насъ любятъ щеголять красивой фразой, что съ открытіемъ каждой новой школы закрывается тюрьма. На дѣлѣ иногда школа и тюрьма открываются одновременно, и тотъ, кто въ школѣ научился лишь читать и писать и больше ничего изъ нея не вынесъ, пользуется грамотой, чтобы поддѣлывать векселя и писать подметныя письма.

Итакъ, съ 70 процентовъ грамотныхъ мы спустились до 50, и если исключить дѣтей дошкольнаго возраста, то выйдетъ, что въ Италіи всего 13 или 14 милліоновъ грамотныхъ жителей. Но блаженъ, кто вѣруетъ! Если бъ эта цифра отвѣчала дѣйствительности, то мы могли бы почитать себя счастливейшимъ народомъ. На дѣлѣ же изъ этихъ грамотныхъ большинство тоже неграмотны, такъ какъ пользуются орудіемъ, которое было дано имъ въ руки лишь для того, чтобы записать бѣлье прачкѣ или хозяйственные расходы.

Представьте себѣ ребенка, который родился со сросшимися вѣками. Школа производитъ надъ нимъ операцію, необходимую,

чтобы онъ прозрѣлъ, и въ такомъ видѣ возвращаетъ его семьѣ и обществу. Однако, семья и общество погружаютъ его во мракъ, гдѣ онъ, хотя и зрячій, ничего не можетъ видѣть, и гдѣ отъ бездѣйствія черезъ нѣкоторое время его глазное яблоко сморщивается и зрительный нервъ атрофируется, а если свѣтъ случайно будетъ раздражать его глазъ, то передъ нимъ явятся лишь смутныя неясныя очертанія.

Наши правящіе классы никакъ не возьмутъ въ толкъ, что *школа, какъ отдѣльное звено, оторванное отъ остальной цѣпи*, является лишь условной ложью цивилизаціи и ничего подѣлать не можетъ. Мало того, у насъ стремятся объяснять неуспѣхъ школы ходячей фразой, что школа будто бы даетъ образованіе, но не даетъ воспитанія. Между умомъ и сердцемъ человѣка создаютъ какую-то несуществующую двойственность!

На самомъ же дѣлѣ воспитаніе—не что иное, какъ образованіе, но такъ сказать высшаго порядка. Лишь когда культура даетъ намъ возможность предусмотрѣть послѣдствія и социальныя отзвуки нашихъ поступковъ, мы можемъ считать себя „образованными“ въ этимологическомъ и социальномъ смыслѣ этого слова, т.-е. способными приспособляться къ средѣ и приспособлять ее къ себѣ...

Въ сущности мы заботимся лишь о томъ, чтобы дать инструменты, но не заботимся о томъ, чтобы дать сырой матеріалъ, который умы могли бы перерабатывать. Мы уподобляемся тѣмъ, которые, собираясь накормить голоднаго, накрываютъ на столъ, но забываютъ подать кушанье. Мы поступаемъ, какъ люди, которые должны дать работу безработнымъ и приносятъ хорошо оборудованные ткацкіе станки, но не даютъ пряжи, а между тѣмъ требуютъ, чтобы получилось полотно.

Таково въ общихъ чертахъ еще нынѣ положеніе народнаго образованія въ Италіи.

Приходится считаться еще съ однимъ серьезнымъ обстоятельствомъ: съ *полузнаніемъ*, которое составляетъ характерную особенность настоящаго времени. Собственно его неправильно называютъ „полузнаніемъ“: это не половина, а, можетъ-быть, десятая, сотая часть того, что могъ бы пріобрѣсти современный человѣкъ. Въ полузнаніи—великое зло современности.

Круглый невѣжда, первобытный человѣкъ, можетъ быть уравновѣшеннымъ. У него есть инстинктъ, органической опытъ,

добытый тысячелѣтіями зоологической жизни, извѣстныя традиціи, завѣты стариковъ. Невѣжда далеко не уйдетъ, но по этимъ вѣхамъ пойдетъ прямой дорогой.

Теперь вообразите, что въ одну изъ пустынныхъ (*deserte*) головъ попадетъ какая-нибудь мыслишка и разрастется, заполонитъ всю голову, не встрѣчая другихъ мыслей, которыя поддерживали бы ее въ равновѣсіи. Представляете ли вы себѣ, какое опустошеніе, какое развращеніе эта маленькая мысль внесетъ въ чувства и въ умственную жизнь даннаго человѣка?

Нѣчто подобное мы видимъ въ области политической жизни, гдѣ газета стремится вытѣснить книгу. Газета на невѣжественные умы можетъ также производить разрушительное и развращающее дѣйствіе, тѣмъ болѣе, что въ широкихъ массахъ обыкновенно довольствуются чтеніемъ одной газеты, именно той, которая соотвѣтствуетъ личнымъ взглядамъ читателя. Мнѣ самому нерѣдко приходилось слышать вопросъ: какъ, вы читаете *Perseveranza* или *Corriere della Sera*? Разумѣется, читаю. Нѣтъ ни смысла, ни пользы всегда глядѣться въ зеркало, и я даже предпочитаю чтеніе газетъ чужого лагеря.

Все это, однако, еще до сихъ поръ у насъ недостаточно сознается... Выводъ изъ вышеуказаннаго, по моему разумѣнію слѣдующій: образованія нельзя давать крупницами. Оно подобно нѣкоторымъ лѣкарствамъ, которыя въ малыхъ дозахъ не оказываютъ дѣйствія и должны прописываться въ полномѣрной дозѣ.

Немыслимо удѣлять народнымъ массамъ только крохи просвѣщенія. Нужно выбрать одно изъ двухъ: или возвратиться къ временамъ святого блаженнаго невѣжества, *sancta simplicitas*, или итти впередъ быстрыми шагами, такъ какъ остановиться посрединѣ совершенно немыслимо.

Нельзя останавливать поступательнаго движенія мысли, иначе пріобрѣтенныя скудные понятія застрянутъ въ головѣ, какъ инородное тѣло, вызывающее воспаленіе и гангрену.

Въ наше время культура не есть роскошь или прихоть или дѣло благотворительности: это—глубокая и основная потребность жизни и соціального уклада.

Прежде исторія творилась отдѣльными личностями: герои, согласно Карлейлю, были великими представителями народного

и національнаго генія. Теперь же на сцену вмѣсто героевъ выступаетъ *tout le monde*, всѣ, т.-е. массы.

И безъ благотворнаго вліянія культуры слово демократія будетъ пустымъ звукомъ, а самый социализмъ можетъ стать опасной утопій для умственнаго состоянія тѣхъ, которые должны быть его носителями, его героями.

Съ каждымъ днемъ очевиднѣе становится, что всякая область дѣятельности должна имѣть свою технику, своихъ специалистовъ. Должны ли мы, можемъ ли мы повернуть вспять? Разумѣется, нѣтъ. Это понимаютъ даже самые упорные консерваторы. А разъ нельзя итти вспять, потому что это нелѣпо и безумно, то надо наверстывать потерянное время и съ удвоенной энергіей двигаться впередъ.

Крупная промышленность, составляющая особенность нашей эпохи, требуетъ культуры, какъ необходимаго экономическаго фундамента. Машина взяла верхъ надъ мускуломъ; нынѣ мозгъ и нервы опредѣляютъ промышленный успѣхъ націи. Русскій рабочій, по сравненію съ англійскимъ или американскимъ, не выполняетъ и десятой части работы.

Крупная промышленность требуетъ культуры и въ то же время до извѣстной степени ей препятствуетъ. Это одинъ изъ современныхъ парадоксовъ: съ одной стороны кое-что атрофируется, съ другой—гипертрофируется. И только распространеніе культуры можетъ возстановить равновѣсіе. Ею нужно пользоваться, какъ пользуются гимнастикой, которая вознаавливаетъ физическое равновѣсіе человѣка.

Возьмемъ для примѣра эмиграцію. Нашимъ безграмотнымъ эмигрантамъ грозитъ опасность, что для нихъ закроютъ двери по ту сторону океана. Но, кромѣ географической, у насъ есть еще другая, не менѣе серьезная эмиграція—отъ ремесла къ ремеслу. Вспышки безработицы, заставляющія мнѣять специальность въ работѣ, требуютъ гибкости и подвижности ума, а эти свойства не развиваются, если человѣкъ замыкается на одномъ физическомъ трудѣ и не пріобрѣтаетъ основныхъ свойствъ, помогающихъ ему примѣняться ко всякимъ новымъ условіямъ.

Все современное рабочее движеніе властно требуетъ культуры. Какъ можетъ пролетаріатъ мечтать о возвышеніи, если онъ находится на самыхъ низахъ умственнаго развитія? Развѣ при борьбѣ за минимальныя программы, за кооперативы, за со-

ціальные законы, при третейскихъ судахъ или примирительныхъ камерахъ не встаетъ настоятельная необходимость разобраться во всѣхъ этихъ вопросахъ? И. мы видимъ, что культура нужна безотлагательно. Съ нею нельзя медлить ни одного дня, ни одного часа, чтобы не наступило великое разочарованіе, чтобы все, къ чему мы стремимся, не показалось несбыточной иллюзіей.

Развѣ сокращеніе труда, восьмичасовой рабочій день и праздничный отдыхъ явятся прогрессивными реформами, если не будутъ идти объ руку съ развитіемъ просвѣщенія? Безъ просвѣщенія эти реформы поведутъ лишь къ трактиру и безпутству.

Италія—страна по преимуществу земледѣльческая, и мы должны думать не только о городѣ, но и о селѣ, гдѣ работа школьнаго учителя идетъ на смарку, потому что ребенокъ, выходя изъ школы, попадаетъ подъ вліяніе грубой, почти животной жизни...

Закладывая фундаментъ культуры, мы стремимся не только разсѣивать невѣжество, но также дать нашей націи необходимыя средства для борьбы за существованіе, порожденной огромной міровой конкуренціей.

Какъ социалистъ, я долженъ отмѣтить еще одну черту. Вольно или невольно мы также способствуемъ дѣлу справедливости. Мы мало-по-малу идемъ къ уравнию социальныхъ классовъ. Но это — не демагогическая нивелировка, принижающая всѣхъ книзу, а совсѣмъ иная нивелировка, превращающая чернь въ народъ: нивелировка въ высъ *)“.

Слова Турати относятся къ Италіи. Это—отрывокъ изъ его рѣчи на конгрессѣ итальянскихъ народныхъ библіотекъ, состоявшемся десять лѣтъ тому назадъ, но высказанныя имъ общія положенія поразительно близки и злободневны для современной Россіи.

Конечно, мотивъ этотъ не новъ и у насъ. Лучшіе люди Россіи—писатели, мыслители, политическіе борцы, публицисты, государственные и общественные дѣятели—давно болѣли душою за ея отсталость и выражали это на разные лады. „Сбѣйте разумное, доброе, вѣчное“, завѣщаль Н. А. Некрасовъ. „О если

---

*) Le Biblioteche popolari al primo Congresso Nazionale (Roma, 6—10 Dicembre 1903). Scritti e discorsi. Milano. 1910, pp. 17—26.

бы давно великому народу былъ свѣточъ знанья данъ и выходъ на свободу“, мечталъ поэтъ скорби и печали П. Я. Мельшинъ... Примѣровъ можно назвать безъ конца.

На необходимости культуры для родной страны сходятся люди самыхъ разнообразныхъ взглядовъ и убѣждений. Сознательно препятствуютъ просвѣщенію лишь тѣ, которые пользуются народною темнотою для своекорыстныхъ цѣлей; возглавляютъ невѣжество только демагоги.

II.

Внѣшкольное образованіе.

Почти одновременно со стремленіемъ къ введенію всеобщаго начального обученія стало и у насъ вырабатываться сознаніе, что элементарная школа сама по себѣ далеко не разрѣшаетъ проблемы просвѣщенія, тѣмъ болѣе, что у насъ дѣти покидаютъ школу въ слишкомъ раннемъ возрастѣ и въ послѣдующіе періоды жизни лишены достаточнаго культурнаго воздѣйствія. Впервые коллективное мнѣніе по этому вопросу высказано было на общеземскомъ съѣздѣ по народному образованію 1911 г., на которомъ принята была слѣдующая резолюція:

„Правильное и успѣшное развитіе хозяйственной, общественной и государственной жизни возможно только при высокомъ культурномъ уровнѣ всего населенія. Школа даже при самой совершенной ея постановкѣ и при значительной продолжительности курса не можетъ удовлетворить повышаемыхъ ею самую запросовъ населенія какъ потому, что обслуживаетъ въ каждый данный моментъ сравнительно небольшую часть населенія и притомъ еще не принимающую активнаго участія въ общественной жизни, такъ и потому, что пріобрѣтенныя въ школѣ знанія безъ дальнѣйшаго укрѣпленія и пополненія ихъ скоро забываются, вслѣдствіе чего затраты на школьное образованіе безъ организациі внѣшкольнаго образованія являются малопроизводительными. Въ силу этихъ соображеній внѣшкольное образованіе должно занять самостоятельное мѣсто въ ряду мѣропріятій, направленныхъ къ поднятію культурнаго уровня населенія, и быть признано со стороны общества и государства

во всякомъ случаѣ не менѣ цѣннымъ, чѣмъ образованіе школьное, и одинаково необходимымъ“.

Общеземскій сѣздъ, собственно, далъ толчокъ къ разработкѣ вопроса о внѣшкольномъ образованіи, при чемъ въ дальнѣйшемъ намѣтились разнообразныя оттѣнки даже въ толкованіи этого термина. Такъ, В. И. Чарнолускій въ „Юбилейномъ земскомъ сборникѣ 1864—1914 г.“ считаетъ задачей внѣшкольного образованія „возможно болѣе полное, широкое и всестороннее удовлетвореніе образовательныхъ и эстетическихъ потребностей всей массы взрослого населенія“.

Харьковскій сѣздъ 1915 года по устройству „разумныхъ развлеченій“ (такъ пришлось переименовать „внѣшкольное образованіе“, потому что мѣстная администрація, допустивъ по существу положеніе о сѣздѣ, потребовала исключенія этого термина) вынесъ слѣдующую резолюцію: „Организація разумныхъ развлеченій для народа должна охватывать всѣ мѣры, направленные къ пробужденію его духовныхъ запросовъ въ области научныхъ и прикладныхъ знаній и выражаться въ распространеніи книгъ, картинъ, газетъ, устройствъ библіотекъ, читаленъ, чтеній, лекцій, собесѣдованій, курсовъ, кинематографа, музеевъ и проч.“.

Харьковскій сѣздъ опредѣленно высказался въ томъ смыслѣ, что не считаетъ внѣшкольного образованія достояніемъ исключительно взрослыхъ. Признавая всеобъемлющей ячейкой внѣшкольного образованія народный домъ, сѣздъ такъ формулировалъ его задачи: „а) содѣйствіе внѣшкольному образованію и воспитанію взрослыхъ, подростковъ и дѣтей дошкольнаго возраста въ умственномъ, нравственномъ, художественномъ и физическомъ отношеніяхъ, б) общественное воспитаніе населенія и объединеніе мѣстныхъ культурно-просвѣтительныхъ и экономическихъ организацій“.

Нынѣ общественная мысль пошла еще дальше и включила въ кругъ кліентовъ внѣшкольного образованія также и школьниковъ, открывая имъ доступъ въ дѣтскіе клубы, въ дѣтскія библіотеки, въ лѣтнія колоніи, на площадки для игръ и т. д. Такимъ образомъ постепенно выяснилось, что внѣшкольное образованіе предназначено для всѣхъ, что имъ можетъ и должно пользоваться все населеніе отъ мала до велика.

На первыхъ порахъ у насъ намѣтились два противополо-

ложныхъ направленія во взглядахъ на внѣшкольное образованіе. Одно изъ нихъ (Виноградовъ и др.) считало главной основой образованія школу и отрицало за внѣшкольнымъ образованіемъ самостоятельное значеніе. Другое (Гермоніусъ, отчасти Медынскій) не признавало за школой образовательнаго значенія и главную роль въ культурномъ развитіи страны отводило внѣшкольному образованію.

Среднюю примиряющую линію взялъ С. О. Сѣрополко. Въ своей брошюрѣ „Основные вопросы внѣшкольнаго образованія“ (М. 1913 г.) онъ доказывалъ, что оба выше приведенные взгляда страдаютъ односторонностью. „Какъ бы ни была совершенна школа, все же она не можетъ быть признана достаточной для культурнаго развитія страны“, говоритъ онъ, „мало того, съ ростомъ и развитіемъ школы непрерывно растутъ и потребность во внѣшкольномъ образованіи“. Въ опроверженіе взгляда А. К. Гермоніуса, будто школа не даетъ знаній, а лишь указываетъ легчайшіе способы и кратчайшіе пути какъ къ нахожденію самыхъ знаній, такъ къ ихъ пріобрѣтенію и усвоенію, онъ приводитъ слѣдующее доказательство: „Всякая школа призвана давать знанія, вотъ почему и внѣшкольное образованіе знаетъ такія формы, которыя цѣликомъ заимствованы изъ сферы примѣненія школьнаго образованія... Всѣмъ этимъ я хочу сказать, что школьное и внѣшкольное образованіе, имѣя вполнѣ самостоятельное значеніе, являются равноцѣнными частями одного порядка явленій, а именно—того психологическаго процесса, который побуждаетъ человѣка къ расширенію своего умственнаго кругозора“.

Рядъ споровъ возбуждалъ вопросъ о томъ, кѣмъ и какъ должно осуществляться внѣшкольное образованіе. У насъ еще и до сихъ поръ многіе склонны пріурочивать всѣ мѣропріятія по внѣшкольному образованію къ школѣ и поручать ихъ осуществленіе народному учителю. Другой взглядъ, выразителемъ котораго является проф. Б. И. Сыромятниковъ, указываетъ, что „паразитизмъ внѣшкольнаго образованія на школѣ“ вреденъ для обоихъ видовъ образованія; что учитель, при современныхъ требованіяхъ къ школьному преподаванію, не имѣетъ въ своемъ распоряженіи такого количества времени, которое требуется для работы по внѣшкольному образованію даже въ маломъ масштабѣ; что залогъ успѣха въ мѣропріятіяхъ по внѣшкольному

образованію кроется въ томъ, чтобы ими руководили люди, спеціально подготовленные и посвящающіе имъ полностью свое рабочее время.

На такой же точкѣ зрѣнія стояла комиссія Временнаго Правительства по внѣшкольному образованію подѣ председательствомъ гр. С. В. Паниной. Въ этой комиссіи выработанъ былъ планъ субсидированія мѣстныхъ учреждений по внѣшкольному образованію въ селахъ, на который испрашивался на 1918 годъ кредитъ въ 72 милл. рублей. Планъ разработанъ былъ такимъ образомъ, чтобы каждой волости давалась субсидія на оклады лицамъ, приглашеннымъ исключительно для работы по внѣшкольному образованію. Этимъ имѣлось въ виду увеличить интенсивность внѣшкольной работы и повысить ея качество, такъ какъ спеціальная ассигновка на оплату труда давала бы возможность повысить требованія къ работникамъ по внѣшкольному образованію. Чтобы подготовить кадры дѣятелей, та же комиссія проектировала устроить при финансовой поддержкѣ министерства народнаго просвѣщенія около сотни краткосрочныхъ и долгосрочныхъ курсовъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Къ сожалѣнію, политическія событія не дали осуществиться этому плану, который могъ бы имѣть грандіозные результаты. вмѣсто планомѣрности, единства и широты въ работѣ по внѣшкольному образованію, отъ которыхъ можно было бы многого ожидать, сейчасъ мы видимъ въ этой области распыленіе силъ по безчисленнымъ мелкимъ организаціямъ, ничѣмъ не связаннымъ между собою. Онѣ еще не прониклись сознаніемъ, что при установленіи контакта и коопераціи между ними ихъ работа при меньшей затратѣ времени, труда и средствъ дала бы несравненно большіе результаты. Всѣ хотятъ порознь пробивать собственныя тропинки, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что вмѣсто мелкихъ тропинокъ, направленныхъ къ одной и той же цѣли, выгоднѣе общими силами прокладывать широкую дорогу.

У насъ еще много спорятъ о словахъ, находя—и не безъ основанія—терминъ „внѣшкольное образованіе“ не совсѣмъ удачнымъ. Въ послѣднее время его стали замѣнять терминомъ „культурно-просвѣтительная дѣятельность“, и при всевозможныхъ организаціяхъ—общественныхъ, кооперативныхъ, профессиональныхъ, экономическихъ, политическихъ стали возникать

культурно-просвѣтительные отдѣлы. Въ одномъ и томъ же географическомъ пунктѣ иногда существуютъ десятки такихъ отдѣловъ, не знающихъ даже о существованіи другъ друга. Въ будущемъ, естественно, должна произойти эволюція въ смыслѣ объединенія ихъ работы, что во много разъ усилитъ ея производительность. Тѣмъ не менѣе даже эти разрозненные „комиссіи“ и „отдѣлы“ составляютъ положительное явленіе. И хотя еще существуютъ разногласія въ опредѣленіи „сущности внѣшкольнаго образованія“, но несомнѣнно, что всѣ видятъ въ немъ путь къ культурѣ.

„Введеніе всеобщаго обученія и повывишшаяся въ связи съ этимъ грамотность населенія, борьба съ хулиганствомъ и, наконецъ, отрезвленіе деревни выдвигаютъ на первый планъ вопросъ объ укрѣпленіи полученныхъ въ школѣ грамотности и знаній, объ использованіи досуга населенія, о предоставленіи народу возможности получить нѣчто неизмѣримо большее, чѣмъ умѣнье читать и писать, а именно широкое по возможности развитіе въ умственномъ, нравственномъ и художественномъ отношеніи“. Такую формулировку даетъ Е. Н. Медынский въ своемъ докладѣ Харьковскому съѣзду.

Тотъ же авторъ въ своей книгѣ „Внѣшкольное образованіе, его значеніе, организація и техника“ 3-е изд. М. 1918, говоритъ: „Задачи всѣхъ учреждений по внѣшкольному образованію не столько образовательныя, сколько развивающія. Важно не то, чтобы населеніе, пользующееся библіотеками, народными чтеніями, школами для взрослыхъ, какъ можно больше и какъ можно тверже запоминало изъ сообщаемого; нѣтъ, важно, чтобы оно поняло, чтобы расширился его умственный кругозоръ, развился художественный вкусъ, появилось стремленіе къ дальнѣйшему развитію“ (стр. 5). Нѣсколько далѣе онъ указываетъ: „ставя себѣ задачей не только образованіе, но вообще всестороннее развитіе человѣка, внѣшкольное образованіе не является также и самообразованіемъ; его задачи шире задачъ послѣдняго, а именно самообразованіе относится къ внѣшкольному образованію, какъ часть къ цѣлому (стр. 6).

Въ послѣднемъ опредѣленіи заключается значительная парадоксальность. Несомнѣнно, что внѣшкольное образованіе должно вести къ развитію человѣка, призвано создавать ту необходимую культурную среду, о которой говоритъ Турати въ вышеприведен-

ной рѣчи. Тѣмъ не менѣе всестороннее развитіе человѣка вовсе не можетъ считаться самоцѣлью. Слова нѣтъ, нужно научить населеніе пониманію, но пониманіе—не что иное, какъ преддверіе для усвоенія знаній. Однако пріобрѣтеніе знаній совершенно не входитъ въ схему, начертанную Е. Н. Медынскимъ, а безъ этого можетъ получиться большое верхоглядство, диллтантизмъ. Культура, какъ показываетъ самое ея названіе, есть обработка, подготовка почвы для опредѣленной цѣли —лучшаго возвращенія посѣва. Умственная культура тоже не что иное, какъ подготовка почвы для воспріятія сѣмянъ положительнаго знанія. И если наилучшимъ образомъ обработана земля, но оставлена незасѣянной, то дѣло не будетъ доведено до конца. Такъ же точно, если создана развивающая среда, благоприятствующая пріобрѣтенію знаній, „сумма которыхъ составляетъ силу и богатство народа“, то нельзя же не вести къ пріобрѣтенію этихъ знаній. И, несомнѣнно, если необходимо умѣнье понимать окружающую дѣйствительность, то такъ же необходимо итти впередъ по пути прогресса, вести созидательную работу во всѣхъ разнообразныхъ областяхъ жизни, а это немислимо безъ знанія. Въ томъ и суть, чтобы пробудить пылкость ума, интересъ къ знанію и дать толчокъ къ самодѣятельности человѣка въ сферѣ пріобрѣтенія знаній, т.-е. къ самообразованію. Знаній нельзя пассивно вкладывать въ головы: они воспринимаются и перерабатываются этими самими головами, и чѣмъ осмысленнѣе и активнѣе такой процессъ воспріятія и переработки, тѣмъ больше его результаты. Вотъ почему самообразование вовсе не является частью внѣшкольнаго образованія, какъ опредѣляетъ Е. Н. Медынскій, а скорѣе можетъ считаться его слѣдствіемъ, завершеніемъ. Внѣшкольное образованіе подготавливаетъ почву, даетъ толчокъ и оказываетъ помощь въ дѣлѣ самообразования. Вѣдь самообразование можетъ вестись либо безъ руководства, такъ сказать, наощупь, наобумъ, либо при той или иной помощи, которая, нисколько не умаляя процесса самостоятельной работы, даетъ возможность сбереженія времени и силъ, а также большей продуктивности. Этотъ вопросъ прекрасно разработанъ въ книгѣ Н. А. Рубакина „О сбереженіи силъ и времени въ дѣлѣ самообразования“. Спб. 1914. Если вспомнить слова англійскаго философа Г. Спенсера, что „человѣчество всего успѣшнѣе развивалось путемъ самообразования“,

то ясно станеть, насколько важны всякіе стимулы и всякое содѣйствіе этой формѣ пріобрѣтенія знаній, которую, къ слову, сказать, самъ Спенсеръ извѣдалъ на личномъ опытѣ.

Знаніе не даромъ сравниваютъ со свѣтомъ: безъ знанія не видно, куда итти и какимъ путемъ итти. На знаніи основываются стремленія, идеалы; знаніемъ поддерживается желаніе осуществить идеалы, воля, энергія; наконецъ, знаніемъ выясняются способы, практическіе пріемы осуществленія идеаловъ. Другими словами, знанія указываютъ, *что* дѣлать, *зачѣмъ* дѣлать и *какъ* дѣлать.

III.

Знаніе и книга.

Гдѣ же источникъ, откуда почерпаютъ знанія и тѣ, которые должны ихъ сообщать другимъ, и тѣ, которые ищутъ ихъ для себя? Такимъ источникомъ являются книги. Знанія, добытыя путемъ наблюденія, изученія, опыта многихъ людскихъ поколѣній, исчезали бы изъ людской памяти, какъ исчезаетъ незафиксированный на пластинкѣ фотографическій снимокъ, если бы не найдена была возможность закрѣплять ихъ въ книгѣ. Книга обезсмертила мысль человѣческую, уничтожила вліяніе на нее времени и пространства, и книги представляютъ какъ бы коллективный мозгъ человѣчества.

Благодаря существованію книгъ, стало возможнымъ опираться на опытъ предшественниковъ, итти впередъ съ того мѣста, на которомъ они остановились, а такая преемственность есть необходимое условіе для прогресса. „Книга является хранительницей человѣческой культуры, о чемъ бы она ни трактовала: о системѣ мірозданія или о приготовленіи маринованныхъ грибовъ“, говоритъ писательница И. Гриневская. И дѣйствительно, чтобы развѣивать какую-нибудь теорію, чтобы совершенствовать какой-нибудь практическій рецептъ, нужно исходить отъ предъидущаго. Если есть лѣстница, высѣченная въ скалѣ, но недостаточно высокая, то нужно высѣкать новыя ступени вверхъ, но не начинать сызнова всю работу.

Книга отражаетъ взгляды, убѣжденія, идеалы всѣхъ временъ. „Подумайте“,—говоритъ Вольтеръ въ своемъ Философскомъ сло-

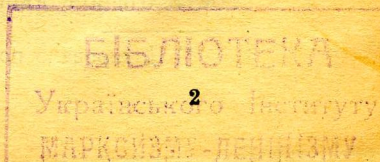
варѣ,—вѣдь весь цивилизованный міръ управляется книгами. Востокъ повинуется Корану, Китай—книгѣ мудреца Конфуція, Индія—Ведамъ, Персія вѣками подчинялась книгѣ Зороастра. Если у васъ есть тяжба, то ваше имущество, ваша честь, подчасъ даже ваша жизнь зависятъ отъ истолкованія книги, которой вы сами никогда не читаете... Вы, конечно, не знаете Гипократа и Сиденгама, но ввѣряете свое тѣло тѣмъ, кто ихъ читалъ. А душу свою вы предоставляете для руководства тѣмъ, кто нанятъ читать Библію“...

Въ книгѣ человѣкъ не только находитъ матеріалъ для ума, который ему необходимо переработать, но часто получаетъ отъ книги и тотъ самый толчокъ, который необходимъ для умственной работы. Одинъ книголюбъ XI вѣка отмѣтилъ: „Умъ безъ книгъ, аки птица спѣшена. Яко жъ она возлетати не можетъ, такоже и умъ недомыслится совершена разума безъ книгъ“. Нашъ современникъ, извѣстный знатокъ книгъ Н. А. Рубакинъ, такъ опредѣляетъ роль чтенія для человѣка: „Чтеніе есть созданіе собственныхъ мыслей при помощи мыслей другихъ людей“.

Существуетъ много указаній въ автобіографіяхъ на значеніе, какое книга имѣла въ жизни того или иного человѣка. Для примѣра приведу слѣдующее стихотвореніе Г. Нечаева:

Кто мой другъ?

Съ тѣхъ поръ, какъ началъ сознать
Суровой доли назначенье,
Что значить мерзнуть, голодать
И съ упованіемъ не ждать
Страданьямъ тяжкимъ облегченья—
Лишь только ты была одна
Отрады звѣздочкой лучистой;
Привѣта теплаго полна,
Будила мысль мою отъ сна
И освѣщала путь тернистый;
Своею властною рукой
Вела меня дорогой знанья,
Учила трудъ цѣнить святой,
Ко всѣмъ униженнымъ судьбой
Имѣть любовь и состраданье;

Моимъ наставникомъ была,
Идей возвышенныхъ кумиромъ,
Умъ любознательностью жгла
И крылья мужества дала,
Чтобъ я парилъ мечтой надъ міромъ...
И все, чего достичь желалъ,
Чѣмъ жизнь суровая согрѣта,—
Надежду, вѣру, идеаль—
Въ тебѣ одной я отыскалъ,
Источникъ благодатный свѣта!
Кто же этотъ другъ души моей?
Кѣмъ я избавленъ былъ отъ ига
Суровой тьмы съ разсвѣта дней?
Другъ этотъ: избранныхъ людей
Ковчегъ великихъ мыслей—книга *)!

Той же темѣ посвященъ красивый акростихъ С. Городецкого:

Кто когда бродилъ въ туманѣ
Ночью въ холодѣ, во мглѣ
Иль въ людскомъ земномъ обманѣ,
Гордо знаетъ, что землѣ
Альфа свѣта, солнца, знаній?

В. П. Вахтеровъ въ „Основахъ новой педагогики“ (М. 1913) приводитъ въ качествѣ подлиннаго человѣческаго документа рассказъ одного семидесятника о томъ, чѣмъ была книга въ его дѣтствѣ, отрочествѣ и юности:

„Монотонная будничная безсмысленная жизнь, безъ яркихъ радостныхъ впечатлѣній, окружающая невѣжественная среда, забитая однообразнымъ постояннымъ физическимъ трудомъ изъ-за куска черного хлѣба. Полуголодное существованіе.

Смутно сознаваемая ненужность такого сѣраго, унылаго, а подчасъ прямо ужасающаго существованія. Полная обособленность отъ культурныхъ людей. Полное отсутствіе какихъ бы то ни было образовательныхъ и воспитывающихъ учреждений, кромѣ плохой школы. Чтобы пробудить себя отъ этого дремотнаго состоянія, чтобы стряхнуть съ себя сонъ, навѣваемый вялой и бѣдной дѣйствительностью, хотѣлось новыхъ сильныхъ

*) Цитировано по труду проф. Шляпкина „Похвала книгѣ“. П. 1917.

ощущений, красокъ, какой-нибудь яркой радости, драматизма, напряженнаго движенія, героевъ, рѣзкихъ контрастовъ.

Вывести меня изъ этого тупика могъ бы хорошій образованный человѣкъ, но въ дѣствѣ его не было около меня. Меня отупляли зубристикой, дисциплиной, основанной на страхѣ и розгѣ, схоластической программой... И меня вывела изъ этого тяжелаго состоянія хорошая книга, которую оказалось легче найти, чѣмъ хорошаго человѣка. Стремленіе стряхнуть съ себя вліяніе соннаго, вялаго настроенія окружающихъ возбуждало во мнѣ свойственную возрасту жажду къ героизму, къ сильнымъ красочнымъ образамъ, къ игрѣ необычайныхъ приключеній, къ поражающимъ воображеніе событіямъ, и могло найти исходъ только въ литературѣ. Книга, дѣйствительно, переносила меня изъ узкаго круга мелкихъ и однообразныхъ интересовъ окружающей среды, ограничивающихся почти исключительно вопросами удовлетворенія голода, на широкую сцену всемірной исторіи, міровой литературы, на арену, гдѣ дѣйствовали герои во имя высокихъ идеаловъ добра, правды, справедливости, красоты, счастья народа, родины и человѣчества. Въ книжныхъ образахъ были и яркія краски, и захватывающій драматизмъ, и головокружительная необычайность подвиговъ..... Когда я овладѣлъ механизмомъ чтенія и когда въ мои руки попали доступныя пониманію книги, чтеніе стало моею преобладающею страстью.

Если взять все, что дала мнѣ школа, лекціи, которыя я слушалъ, знакомые, съ которыми я встрѣчался, кружки, музеи, которые я посѣщалъ, и т. д., то всѣ эти вліянія, взятыя вмѣстѣ, въ образовательномъ отношеніи были ничтожною каплею по сравненію съ тѣмъ, что дали мнѣ книги. Я не хочу, конечно, сказать, что такъ и должно быть; я, напротивъ, думаю, что мѣе развитіе шло ненормально, односторонне, что мнѣ недоставало хорошихъ руководителей, лабораторіи, наблюденій, экспериментовъ. Я убѣжденъ, что однѣхъ книгъ мало. Книги могутъ указать пути; но чтобы итти по этимъ путямъ, нужны еще такія силы, для развитія которыхъ однѣхъ книгъ недостаточно. Быть-можетъ, наша непрактичность, наши неудачи въ общественныхъ дѣлахъ объясняются именно тѣмъ, что мы слишкомъ книжные люди, наши мысли и идеалы носятъ слишкомъ книжный характеръ, что и въ жизни мы гораздо больше разговари-

ваемъ, чѣмъ дѣйствуемъ. Я считаю большимъ несчастьемъ для страны съ даровитымъ народомъ, давшимъ Ломоносова, Посошкова, Кольцова, Никитина, Горькаго и т. п., страны съ 2½ миллиарднымъ бюджетомъ, что у насъ есть вездѣ казенка, гдѣ можно купить сколько угодно водки, чтобы напиться до потери человѣческаго образа, но нѣтъ ни музеевъ, ни лабораторій, ни руководителей, нѣтъ никакого исхода для одаренныхъ дѣтей и юношей изъ народа. Но я пишу о томъ, что было, а моими истинными наставниками были почти исключительно книги.... И если я не захлебнулся въ пошлости окружавшей меня жизни, если я не отупѣлъ подъ вліяніемъ школьной зубрежки и окружающей, давно уже отупѣвшей среды, если я сохранилъ до старости любознательность и сейчасъ не могу безъ душевнаго трепета читать или слышать о какомъ-нибудь новомъ завоеваніи человѣческаго ума, то всѣмъ этимъ я обязанъ ничему другому, какъ только книгамъ“.

Хотя почтенный „семидесятникъ“ признаетъ, что своимъ образованіемъ онъ всецѣло обязанъ книгамъ, тѣмъ не менѣе у него сквозитъ характерное сомнѣніе, не объясняется ли это отсутствіемъ другихъ вліяній и не создаетъ ли чтеніе книжныхъ людей.

Въ настоящее время на дѣло смотрятъ нѣсколько иначе. Внѣшкольное образованіе (или культурно-просвѣтительная дѣятельность—безразлично, какъ ее ни называть) трактуется, какъ объединенная работа разнообразныхъ просвѣтительныхъ мѣропріятій, которыя дополняютъ другъ друга. И такъ какъ ихъ вліяніе простирается на умственное, нравственное и эстетическое развитіе человѣка, то несомнѣнно, что, приподнимая завѣсу знанія, разрѣшая одни вопросы, они ставятъ передъ нимъ рядъ другихъ вопросовъ, на которые онъ ищетъ отвѣта въ книгахъ. Такимъ образомъ, всѣ эти вліянія сами создаютъ „тягу“ къ книгѣ, и теперь ими искусно пользуются для привлеченія къ книгѣ даже такихъ людей, которые прежде относились къ ней равнодушно. И вліяніе книги отъ этого не только не умаляется, но усиливается во много разъ.

Что касается „книжности“, противопоставляемой жизни, то и этотъ вопросъ въ наше время разсматривается подъ другимъ угломъ зрѣнія. Приведу здѣсь убѣжденные слова лично извѣстнаго мнѣ молодого автора, который „официально“ прошелъ лишь

начальную школу, но многого достигъ самообразованіемъ, и который уже нѣсколько лѣтъ какъ посвятилъ себя книжному и библіотечному дѣлу*):

„Книги не только отраженіе жизни, онѣ сами часть жизни, чудеснѣйшій кусокъ ея. Но книгъ миллионы. Онѣ охватываютъ жизнь во всемъ ея многообразіи. А каждая изъ нихъ, конечно, лишь ничтожный элементъ этого отраженного міра. . . . И не книга дѣлитъ на отдѣльныя области неразрывно единый потокъ жизни, а человѣкъ. Безсильный обнять весь хаосъ жизни, чувствуя лишь отдѣльныя стороны ея, непосредственно окружающую среду, остальное мысля какъ отвлеченность,—онѣ подмѣтилъ въ немъ основныя группы явленій и по нимъ направилъ свое познаніе и борьбу съ природой. Въ книгахъ жизнь отразилась такъ, какъ видитъ и ощущаетъ ее человѣкъ. И отвлеченность—не органическое свойство книгъ. Книги—продуктъ человеческой мысли и дѣятельности, и въ нихъ отразилась вся скала его темперамента и воли.

Были и есть люди съ отвлеченнымъ мышленіемъ, съ сумеречнымъ настроеніемъ мечтательности, и они создали молитвы и псалмы, но были люди и съ буйной волей, окрашенные пурпуромъ желаній, и они создали книги, полныя активности, страсти и могучихъ порывовъ къ дѣйствию... И въ познавательной дѣятельности человѣка надлежитъ не противопоставлять книгу жизни, организованную часть—хаотическому цѣлому, а лишь признать и примать личности, и примать жизни, но въ томъ смыслѣ, что книги должны родить въ человѣкѣ не только эстетическое удовольствіе, но и дѣйствіе: онѣ должны быть трансформаторами человеческой воли.

Элементъ книжности, буквоѣдства и волевой апатіи мы, обыкновенно, потому соединяемъ съ процессомъ полученія знаній, что привыкли на этомъ пути видѣть Вагнеровъ, Сторицыныхъ и „дѣтей солнца“, отбивающихся отъ толпы громилъ носовымъ платкомъ и калошей, и, можетъ-быть, никогда не были свидѣтелями, когда разумно получаемое знаніе, соединяясь съ практикой жизни, дѣлало ее краше и легче для человѣка, когда

---

*) Поршневъ, Г. И. Революція и культура народа. Сборникъ статей по внѣшк. образ. Иркутскъ. 1917 г. (складъ въ книжн. магаз. Сытина), статья „Апология книги“, стр. 10—12.

жизнь, озаренная свѣтомъ знанія, дѣлалась еще богаче, еще жизненнѣе и активнѣе. Книжность это только наше неумѣнье пользоваться наукой и извлекать изъ нея могучіе стимулы къ дѣятельности, нашъ варварскій предразсудокъ, мѣшающій намъ слить и знаніе и жизнь въ одинъ творческій процессъ. Если мы согласимся съ Н. К. Михайловскимъ, что только та наука и достойна священнаго имени науки, которая расчищаетъ нашъ жизненный путь, а не загромождаетъ его укрѣпленіемъ и безъ того крѣпкой практики, то мы отбросимъ старческій поклепъ о книжности знаній и убѣжденно скажемъ, что истинный прогрессъ жизни, строительство новыхъ формъ гражданского бытія невозможны безъ повышенія уровня свободной интеллектуальной дѣятельности, безъ сотрудничества науки и практики. Знаніе есть орудіе для активныхъ цѣлей человѣка. Самый актъ познанія есть уже творческій актъ, самъ онъ непосредственно измѣняетъ міръ, вноситъ свѣтъ въ бытіе. Для такого сознанія необходимо само знаніе понимать какъ бытіе*). Жизнь и знаніе—это двѣ нераздѣлимые, ежеминутно сплетающіяся стороны одного и того же процесса. Жизнь, не освѣщенная знаніемъ, это даже не жизнь, а простой біологическій процессъ. Единственный смыслъ нашей жизни,—говоритъ Ивановъ-Разумникъ,—въ полнотѣ ея переживаній, въ широтѣ, глубинѣ и интенсивности бытія. И, понявъ это, вы откроете душу всему человѣчеству. Вы будете жадно впитать въ себя красоту человѣческаго творчества и будете творить если не поэмы, то самую жизнь, будете, по слову Эпикура, не писать поэмы, а переживать ихъ. Вы будете цѣнить завоеванія человѣческой мысли, безконечно углубляющія жизнь человѣчества и ведущія къ несомнѣнной побѣдѣ человѣка надъ міромъ, надъ лишеніями, болѣзнями, надъ социальнымъ зломъ; вы почувствуете себя тѣсно связанными своими непосредственными переживаниями со всѣми людьми и будете вмѣстѣ съ ними бороться за воплощеніе въ мірѣ правды—справедливости, правды—истины, правды—красоты! (О смыслѣ жизни, стр. 31)*.

Разумѣется, книга никоимъ образомъ не призвана вытѣс-

*) Бердяевъ. Религія воскресенія. „Рус. М.“. 1917, VII.

нять живое слово. По силѣ впечатлѣнія, убѣжденія, живости, гибкости, находчивости живая рѣчь незамѣнима. Однако, для запоминанія того, что даетъ живая рѣчь, нуженъ все-таки извѣстный повторительный процессъ, связанный съ сосредоточиваніемъ и обдумываніемъ, и такимъ процессомъ является чтеніе и изученіе книгъ. Необходимо еще учитывать, что отъ живой рѣчи неотдѣлимо вліяніе личности говорящаго. Чтобы отрѣшиться отъ вліянія, которое можетъ даже граничить съ давленіемъ, если данная личность оказываетъ особенное обаяніе или вызываетъ особенную антипатію, мы должны, такъ сказать, отойти въ сторону. Книга значительно умѣряетъ личное вліяніе, воздѣйствіе, личныя тренія, поэтому черезъ книги можно „говорить прямѣе и слушать терпѣливѣе“, можно быть полезнымъ не только знакомому и незнакомому, но—пріятелю и непріятелю.

Книга, какъ кристаллизованная человѣческая мысль, побѣдила время и пространство. Посредствомъ книги мы пріобщаемся къ мыслямъ людей, давно отошедшихъ въ вѣчность, или обогащаемъ нашъ ограниченный личный опытъ широкимъ коллективнымъ опытомъ нашихъ современниковъ, съ которыми мы не встрѣчаемся непосредственно. Мы можемъ также найти въ ней и „программу будущаго“, мечты о лучшей жизни, идеалы, къ осуществленію которыхъ стремится человѣкъ.

Одинъ ищетъ въ книгѣ практическихъ указаній, другому она даетъ пищу для души, третій обращается къ ней, чтобы удовлетворить пытливость своего ума, такъ выразительно формулированную въ народной поэзіи:

Отчего у насъ начался бѣлый вольный свѣтъ?

Отчего у насъ солнце красное?

Отчего у насъ младъ свѣтель мѣсяцъ?

Отчего у насъ звѣзды частыя?

Отчего у насъ ночи темныя?

Отчего у насъ зори утреннія?

Отчего у насъ вѣтры буйныя?

Отчего у насъ drobный дождикъ?

Отчего у насъ умъ разумъ?

Отчего наши помыслы?

Отчего у насъ міръ народъ?

Во всѣхъ этихъ случаяхъ книга даетъ стимулъ для работы

мысли, которую чрезвычайно важно развить и углубить. „Только критическая работа мысли на почвѣ культуры обуславливаетъ собою цивилизацію“, говоритъ П. А. Лавровъ въ своихъ знаменитыхъ „Историческихъ письмахъ“. А факторомъ цивилизаціи онъ считаетъ „личную творческую дѣятельность человѣка, вооруженнаго познаніями“, такую дѣятельность, когда знанія, наука становятся „орудіемъ совершенствованія человѣческой жизни“.

И если съ этимъ сопоставить роль книги, то совершенно естественнымъ является выводъ французскаго публициста Лабулэ: „Въ общей картинѣ цивилизаціи мѣсто cadaго народа опредѣляется количествомъ книгъ, которое онъ прочитываетъ“.

IV.

Изъ эволюціи книги.

Книга существуетъ съ незапамятныхъ временъ и прошла долгій путь историческаго развитія. Когда у первобытнаго человѣка появились первые проблески духовной жизни, онъ сталъ стремиться передать свои впечатлѣнія и мысли въ видѣ рисунка, еще очень наивнаго и несовершеннаго. Крупнымъ шагомъ впередъ было изобрѣтеніе значковъ, посредствомъ которыхъ можно было закрѣпить рѣчь, т.-е. письменъ. Въ разныя эпохи и у разныхъ народовъ измѣнялся характеръ письменъ: то каждый значекъ соотвѣтствовалъ понятію, слову; то значекъ изображалъ слогъ, извѣстное сочетаніе буквъ; наконецъ, достигнуто было наибольшее усовершенствованіе—соотвѣтствіе значковъ тѣмъ звукамъ, изъ которыхъ слагается человѣческая рѣчь.

Древнѣйшимъ матеріаломъ для книги былъ камень, и письмена на немъ вырубали топоромъ. Постепенно для письма испробованъ былъ различный матеріалъ: древесная кора, листья, глиняные кирпичи, металлическія пластинки, навощенныя дощечки, шелковыя ткани и т. п. За три тысячелѣтія до нашего времени особенной популярностью пользовался папирусъ—тонкая бумага изъ растительныхъ волоконъ. На папирусѣ можно было писать лишь съ одной стороны, такъ какъ краска или чернила проходили насквозь. Папирусъ скатывался въ свитокъ, и такая форма книги держалась очень долго.